

Гера Фотич

Секс под гипнозом

роман

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2010

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Гера Фотич

Секс под гипнозом

роман

Фотич Г.

Ф74 Секс под гипнозом. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2010. — 280 с.

Молодой сотрудник милиции волею судьбы овладевает навыками практического гипноза. Пытается использовать приобретённые знания, помогая гражданам, коллегам по работе, а так же устраивая свою, не простую личную жизнь. Малый практический опыт и нетерпеливость часто приводит к комическому результату, который сопровождает эротические сеансы улыбкой читателя.

Но, все не так просто, как может показаться на первый взгляд...

УДК 82.31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-903463-35-0

© Гера Фотич, 2010

© ИТД «Скифия», 2010

Свои отзывы можно оставить на сайте **www.GeraFotich.ru**

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Об авторе:

Гера Фотич (псевдоним автора) родился в Ленинграде в 1960 году. Как большинство сверстников окончил среднюю школу. Обучаясь в Ленинградском Арктическом училище, в 1980 году стал победителем городского творческого конкурса посвящённого 110 годовщине со дня рождения В.И. Ленина. После чего был принят в литературное объединение.

С этого времени стал сотрудничать с различными журналами и газетами, такими как Звезда, Новый мир, Юность, Искатель, Смена. Был полярником. Продолжительное время работал за границей: в Канаде, Анголе, Перу и других странах. Творческий диапазон достаточно широк: повести рассказы, очерки, стихи. Печатался в сборнике молодых поэтов. Изучал творчество В. Набокова, М. Булгакова, У. Фолкнера, Ф. Кафка. Пытаясь найти поддержку у тогда уже известного писателя Даниила Гранина, учился видеть мир по-своему. Очередная повесть «Колба» об одиночестве человека живущего в социалистическом коллективе не вызвала в то время восторга у мэтра художественной литературы. Редактировалась издательством больше года, но в свет так и не вышла. После чего с 1988 года автор литературной работой не занимался.

Две книги вышли в 2009 году. Это третья книга автора.

ГИПНОЗ — особого рода, сноподобное состояние человека и высших животных вызываемое искусственно и характеризующееся повышенной восприимчивостью к содержанию внушения, и пониженной чувствительностью ко всем другим влияниям...

(Энциклопедия)

ГЛАВА 1. В объятиях

Она сопротивлялась изо всех сил. Но, странным образом, они покидали её, перерастая в вожделение. Мысли пчёлами роились в голове. То собираясь в гудящий клубок, то разлетаясь в стороны. Создавая глухие непроницаемые стены и звенящие пустоты. Возникающие вопросы, словно мерцающие светлячки, не найдя ответа, растворялись в набегающих волнах непонимания, образующих буруны и водовороты из бессмысленно перемешанных немых слов и беззвучно рвущихся из горла междометий...

Каким образом она оказалась здесь, в этом замкнутом со всех сторон полумраке, лежащей на заднем сиденье огромного джипа? В объятиях незнакомого, грузно сопящего мужчины, уткнувшего свою небритую, колючую физиономию в её оголённую грудь, пытающегося юрким

шершавым языком ласкать непослушно твердеющий сосок.

Уворачиваясь от назойливых губ, она видела двух самцов — амбалов, развалившихся на передних сиденьях, частенько оборачивающих к ней свои довольные, блестящие слезливыми глазками, лоснящиеся, красные от возбуждения физиономии. От их гадливых улыбок и лижущих её обнажённое тело взглядов, она чувствовала тоненькие ручейки холодного страха, текущие по венам к груди, а далее по капиллярам к поверхности кожи, превращающие эпидермис в ледяную корку. Не позволяющей вырваться наружу половодью воплей, готовых изрезать душу прозрачными острыми осколками звуков раздирающих нутро кристаллической шугой.

Но что-то тягучее, надменное, внутри неё, похожее на первобытное, данное природой, превосходство над этими самцами, готовыми ради соития с ней, идти на преступление, плавило сковывающий лёд. Распрямляясь пружиной, выдавливало, сквозь сжатые зубы, сладостно — мучительный стон течной суки. И в этой молчаливой дикой борьбе чувств, взглядов, дыханий, откуда-то сверху, монотонно звучащий голос продолжал повторять:

«...силы уходят, чем сильнее ты сопротивляешься, тем сложнее тебе управлять собой. С каждым движением, руки становятся тяжелее. Ноги перестают слушаться. Ты чувствуешь себя беспомощной. Хочется расслабиться и ни о чём не думать. Отдаться этим крепким мужским рукам. Ощутить их надёжность и силу. Окунуться в их теплоту. Глубоко вздохнуть. Почувствовать

незнакомый приятный таинственный запах чужого одеколона и раствориться в нём...»

С каждым новым движением она ощущала усиливающийся приток возбуждения. Оно проникало отовсюду, пронизывая насквозь ледяную защиту сковавшего её мистического ужаса. Тепло возникало между ног, и оттуда нарастающими приливами расходилось по всему телу, переходя в жар.

Наглые похотливые взгляды всеядным огнеметом сжигали её одежду, проникая дальше сквозь кожу, внутрь души, где ещё сохранялась частичка независимого сознания, сопротивлявшаяся из последних сил, и от этого становилось ещё жарче. Незнакомые мускулистые мужские руки клещами сжимали её тело.

Мрачный салон автомобиля запирал удущающий аромат разгорячённых тел, добавляя в него запах кожаных сидений, пытающихся, взамен пропитаться человеческим потом, лелея надежду прикоснуться к непостижимому таинству соития.

Всё происходило будто в немом кино. Словно в замкнутом вакууме, отовсюду продолжал звучать голос, заполняя собой всё пространство, отражаясь от затемненных окон, пластика дверей и напряжённых мышц. Погружая в марево своих интонаций уже не сопротивляющуюся, малюсенькую, беспомощную точку собственного сознания девушки. Обволакивая невидимыми нитями остатки нравственных устоев, родительских заветов, былого целомудрия. Заворачивая в непроницаемый кокон любую мысль о неподчинении.

Сопротивляться не было сил. Всё её тело превратилось в один чувствительный рецептор, десятикратно усиливающий любой импульс, приходящий от малейшего мужского прикосновения.

Она уже жаждала этих рук, выгибаясь всем телом навстречу чужому животному дыханию, пытаясь вновь и вновь окунуться в аромат незнакомого одеколона разбавленного мужским потом.

Он входил в неё резкими сильными толчками, от которых она тянулась в струнку, а затем выгибалась, закидывая руки на передние сидения, и чувствуя ладонями как через грубую ткань брюк, две пульсирующие плоти пытаются вырваться ей навстречу.

Обволакивающий голос не умолкал, но теперь она уже ждала его, она хотела его слушать. Он пронзал её насквозь и становился ею самой: «...тебе хочется взять их в руки; ты берёшь их в руки, и ощущаешь, как они растут в твоих ладонях, становясь всё крепче; ты чувствуешь, как они дрожат и тебе хочется почувствовать эту дрожь внутри себя...»

Неожиданно она ощутила возникшую между ног и хлынувшую вверх по всему телу, горячую лавину, погружающую в себя все внутренности, лавину и содрогнулась в экстазе. Тело забилось в конвульсиях. Изо всех сил сжала зубы, не давая вырваться наружу освобождённому воплю. Обхватила руками и ногами знакомое, но до боли необходимое теперь, горячее мужское тело. Чувствуя, как срастается с ним в единое целое, проникая во все его углубления и заполняя тем

самым свои. Получая отторгнутое моралью, запретное наслаждение. Ещё более желанное в своей греховности, разбуженное реинкарнацией тёмных потаённых инстинктов древности...

«...Аромат одеколона становится знакомым! — твердил голос, — Тебе хочется вдыхать его запах. Это запах твоего близкого друга. Ты узнала его, ты догадалась обо всём. Ты снимаешь с него маску. Это он, ты уверена — это он. Тебе всегда будет с ним хорошо. Ты будешь с ним естественна, чувствительна, восприимчива. Тебе не надо думать о том, что ты чувствуешь. Не надо ничего придумывать самой. Эти чувства будут в тебе. Ты начинаешь просыпаться, и ощущаешь себя хорошо. Только мой голос может ввести тебя в транс, только с моим голосом ты всегда соглашаешься, потому, что он принесёт тебе спокойствие и равновесие. К другим голосам ты относишься настороженно подозрительно...»

Он берёт её руку и проводит по своему лицу, будто в реальности снимает маску. Её глаза постепенно становятся осмысленными. Она смотрит по сторонам блуждающим взглядом, стараясь припомнить всё. Наконец он упирается в лицо мужчины нависшее над ней.

Где-то она его видела?

И тут память вернулась окончательно — её личико исказила наигранная нервная гримаса:

— Стас, ты меня заколебал, — капризно закричала она и чуть сильнее чем, шутя, стала бить его своими маленькими кулачками в грудь, — опять это твои фокусы! Я же тебя просила со мной больше не экспериментировать!

Ну, нет, чтобы перенести меня в Эмираты. На белоснежный пустынный пляж. Я загораю одна, едва прикрыта прозрачной вуалью. И тут идёт он. Ну, к примеру, Ален Делон в белом костюме. Останавливает на мне свой взгляд и...

— Не будешь одна уходить из гостей! — Стас сидел на краю дивана и натягивал приспущенные брюки, — Что на тебя вчера нашло? Всё было в порядке. Ну, перепили немножко. Андрюша стал к тебе приставать. Что из этого? Первый раз что ли? А вот так, вечером пойдёшь одна домой, сядешь в чужую машину, что с тобой будет? А теперь ты уже знаешь, что может случиться с хорошенькой девушкой.

— А мне, кстати, эти ребята даже очень понравились. Тем более что у них в брюках были такие штуковины... Не то, что у тебя.

— Такие же, как у всех, просто ты в темноте не разглядела.

— А мне и не надо было разглядывать, я их в руках держала!

Катерина подняла к лицу Стаса правую ладонь, и слегка сжав её, словно держит невидимый предмет, покачала ею перед его носом, показывая приблизительную толщину.

— То, что ты держала в руках, я держу по нескольку раз на дню! — засмеялся Стас.

— Ну, вот и держи его впредь самостоятельно и любуйся, а мне не надо подсовывать!

Она вынула из-под головы маленькую подушку и ударила ею Стаса.

— Ты думаешь, я дам тебе сдачи? Ошибаешься. Я отыграюсь по-другому, — он ехидно улыбнулся.

Катерина поняла, и сразу сделала вид, что обиделась.

— Только не метро, — умоляюще произнесла она, — ненавижу его. Вонючих грязных бомжей и щиплющих за задницу больных психов.

— Катюша, а чего это ты голая разлеглась здесь, да ещё в мой обеденный перерыв?

Только сейчас Катерина обратила внимание, что лежит у себя дома в гостиной на кожаном диване совсем без одежды, которая кучей сложена рядом. Она, было, нагнулась за своими чёрными трусиками, но передумала. И грациозно направилась в ванную, видя как Стас, зачарованно смотрит на её отражение в зеркальном шкафу.

— А что это у тебя на шее и на щеке? — с издёвкой, спросила Катерина.

Стас подошёл к зеркалу и увидел несколько, едва заметных, свежих царапин от женских ногтей.

— Так сопротивляясь во сне, она и глаза может выцарапать, — подумал он, но вслух сказал, — В следующий раз придётся тебя заранее связать. Ну ладно, мне пора. Перекушу на работе, одним сексом сыт не будешь.

Они вместе рассмеялись.

— Твой муж, когда приходит? — озабоченно спросил Стас застёгиваясь, — что-то его давно не было!

— Не знаю, — тихо ответила Катерина. Слово «муж» в последнее время нагоняло на неё грусть, — может месяца через три. В последний раз он сказал, что владелец компании требует от него диплом Ллойда и оставляет учиться в Англии.

— Это после того как ты познакомилась с его дочкой? — Стас продолжал одеваться.

— Ну да! — ответила она нехотя, но после небольшой паузы оживилась, — Когда я тебя увижу?

— Когда тебе подойдёт мой размер, — попытался отшутиться Стас.

Но, видя, как она заносит ногу для пинка, быстро открыл дверь и проскользнул на лестничную площадку.

Спускаясь, помахал рукой и крикнул: «Чао!».

Закрыв дверь, Катерина начала торопливо одеваться. Она подумала, что их отношения со Стасом продолжаются уже больше года и каждую встречу, она ждёт его с всё более возрастающим чувством влюблённости.

Если бы не периодические возвращения мужа, она даже могла вообразить семейную жизнь со Стасом. Но было два момента, в которых не было определения. Во-первых: Стас ей ничего не предлагал, и она терялась в догадках, боясь ошибиться в его чувствах. А во-вторых: как она могла бросить своего мужа, бывшего подводника. Забыть те короткие, но счастливые встречи? Он продолжал ходить в море! И кто-то должен был встречать его на берегу и молиться: «...Жди меня, и я вернусь...».

ГЛАВА 2. Пронин

Почему Пронин Станислав Александрович оказался на службе в милиции, он и сам не понимал. Всегда хотел быть лётчиком. Родился в Ростове. Отец был из Осетии. Мать — ленинградка. Лицом Стас походил на отца — гордого мужественного закалённого под солнцем и ветрами горца. Но благодаря матери, кожа была светлее, глаза крупнее и нос почти прямой.

После школы два раза поступал в Актюбинское лётное училище, а затем ещё раз успел в Ленинградскую штурманскую Академию гражданской авиации. Как ему говорили в приёмной комиссии, он везде не добирал полбалла.

Пришла повестка в армию. Кто-то посоветовал ему поступить в военное лётное училище, а по окончании его перевестись в гражданскую авиацию.

Родители у Стаса были рабочими. Целыми днями пропадали на производстве, чтобы прокормить его и двух сестёр. Что-либо посоветовать не могли. Так Стас поступил в Армавирское высшее военное лётное училище ПВО. Оттуда через три года был благополучно выгнан за самоволки — не выдержал дисциплины. Но в армию уже не пошёл. В службу зачислили училище.

Понял, что с авиацией покончено и решил изучать законы своей страны. В Университет поступать побоялся — знания уже были не те. А в школу милиции с отличной выпиской его приняли без экзаменов. Пока учился, женился на

бывшей однокашнице, которая через пару лет родила ему сына.

Начал службу на земле в должности оперуполномоченного уголовного розыска в территориальном отделении. Это время он всегда вспоминал с ужасом. Сплошная пахота. Воры, насильники, убийцы! Казалось, что ты попал в какой-то иной потусторонний мир.

Работа ночами. Засады, усиления, задержания. Нормальных людей вокруг не существовало. Идя по улице, видел только зеков, их жертв и милиционеров. За поимку маньяка получил, на удивленье всем, маленькую однокомнатную хрущевку.

Неожиданно нагрянула перестройка. Всё случилось неожиданно. Придя на службу, получили экстренный приказ оставаться на своих рабочих местах. Было запрещено куда-либо выезжать из города, особенно в Москву. На митинги не выходить. Народ не бунтовать.

Вспоминая позже этот период, к своему сожалению, Стас не мог похвастаться перед знакомыми ничем героическим. Преступники продолжали грабить и убивать, несмотря на то, что в Москве стреляли танки, а по телевизору показывали «Лебединое озеро». Руководители МВД призывали своих сотрудников к спокойствию, а те не понимая волнения руководства, продолжали сидеть в засадах, выслеживать маньяков и убийц.

Слава богу, служба на земле длилась недолго. Но ушла она вместе с женой и ребёнком, которые не вынесли безденежья и постоянного отсутствия главы семьи. Если точнее, то ушёл

Стас. Хотя это была его квартира. Не мог же он выгнать свою семью на улицу!

Спасибо фамилии! Один из очередных проверяющих, услышав, что в отделении служит старший лейтенант Пронин, пошутил, что это неприлично и надо дать парню рост до майора. Предложили Стасу работу в кадрах. Пронин ухватился за соломинку и вылез из трясины.

В кадрах работали детишки милицейского руководства, и требовалось хоть иногда для приличия разбавлять их сотрудниками с земли. В связи с чем, у Стаса появились свои привилегии — всё же он не понаслышке знал работу оперов. И в некоторых вопросах к его мнению прислушивалось даже начальники.

Службу опером Стас забыл через неделю как страшный сон.

В управлении всё было чисто и опрятно. Начало работы в девять тридцать. С двух до трёх обед. В шесть пятнадцать конец работы. Выходя из здания, он выкидывал из головы рабочие проблемы и шёл домой, точнее туда, где ему в этот вечер готовы были предоставить кров и ночлег: к родителям, к друзьям, к жене. Единственный недостаток службы был в маленькой зарплате.

Правительство постоянно делало вид, что заботится о милиционерах. То, приравнивает их к госслужащим, то разделит на категории по финансовому обеспечению, то введёт оплату льгот. И всё это звучало в постановлениях как увеличение зарплаты. Но выходило всё в точности наоборот.

Была у Стаса на тот случай особая примета. На задней площадке троллейбуса, который возил его на службу и обратно, всегда вывешивали

рекламу с приглашением на работу водителей. Зарплату гарантировали чуть большую, чем была у Стаса. Но как только на объявлении она повышалась, Стас радостно начинал ждать повышение своей. Как правило, месяца через два это действительно подтверждалось.

Работая в отделении опером, он не ощущал нехватку денег, поскольку их некогда и не на что было тратить. Из одежды, носили то, что было. Ели, когда успевали в свободное от работы время. А времени такого почти не было. Все бегали как борзые, питаясь воздухом раскрытый и поощрениями руководства.

Теперь же Пронин в отпаренном кителе поддерживал в кабинете светские беседы о премьерах в театрах и на телевидении, о фестивалях в Каннах и Сочи.

Появилась возможность по путёвке отдохнуть летом на черноморском побережье. В общем, жизнь налаживалась.

Шли разговоры об изменении процессуального кодекса и введении туда нескольких новых статей, касающихся получения доказательств. Планировалось при определённых условиях разрешить допрос участников уголовного процесса под гипнозом! Это очень заинтересовало Стаса. Он ещё в юности зачитывался Кандыбой, Леви и аналогичной литературой.

Неожиданно в управление пришла разрядка на обучение наиболее опытных сотрудников в медицинском вузе. Без отрыва от работы, по вечерам в течение полугода три раза в неделю. С получением диплома специалиста по суггестии и практическому гипнозу. Стас думал, что

все ринутся в обучение, но оказалось наоборот. Кто-то не верил в результат учёбы. Кто-то не хотел тратить своё время после работы и сидеть за партой до десяти часов вечера. Так Стас осуществил свою давнюю мечту.

В группе было человек тридцать. Сотрудники прокуратуры, следствия, дознания, уголовного розыска и криминалистического управления. Наверно это была самая инициативная группа, когда-либо создававшаяся из этих, часто противоборствующих между собой, ведомств.

Учёба прошла быстро. Некоторые не выдержали напряжения, и ушли сами. Кого-то отозвало руководство по необходимости. Дипломы получили не более трети. Стас в том числе.

С самого начала обучения он не верил, что сможет овладеть этими знаниями. Из разговоров в группе понимал, что его мнение разделяют практически все. И не удивительно. У каждого за плечами была не простая служба и с гипнозом они частенько знакомились по криминальным сводкам о мошенницах — цыганках и телевизионным дурилкам Чумака, Кашпировского и других колдунов.

Сразу после первого вводного занятия Пронин подождал преподавателя около выхода из института и произнёс заранее приготовленную речь:

— Извините профессор, у меня очень сложная и важная работа. Свободного времени не много и мне не хотелось бы целых полгода лишаться и его! Я понимаю, что обучать нас не Ваша инициатива. Но у Вас огромный опыт в обучении!— эту фразу он долго шлифовал и пытался вложить в неё как

можно больше уважения и смысла,— Смогу ли я овладеть гипнозом, или не стоит за это браться и тратить Ваше и моё время?

Профессор невысокий скуластый мужчина с азиатской внешностью, на вид лет сорока, одетый по-современному в джинсы и велюровый пиджак, остановился и внимательно посмотрел на Стаса.

— Вы хотите овладеть гипнозом? — спросил он.

— Да, — с уверенностью ответил Стас.

— Значит, овладеете, — сказал он и пошёл дальше.

Уже много позже Стас оценил этот коротенький разговор. Увидел в нём гениальный и наивный путь познания. Который трактовался просто: если ты чего-то хочешь, то должен идти к своей цели не оглядываясь, не слушая сомнения ни свои, ни чужие. Просто идти вперёд. Такова суть. Как только ты засомневался — ты проиграл! Это надо принять не только умом, но и душой — поверить в это.

Стас не пропустил ни одного занятия. Они его захватили полностью. И перебирая на работе наградные листы незнакомых коллег, он мысленно повторял все лекции и задания. Заново прогонял через себя прошлую тему. Старался найти свои ошибки и проанализировать их.

После пары вводных лекций пошла учёба параллельно с практикой. Иногда задания казались просто сумасбродством. Например, найти точку на стене и непрерывно на неё смотреть. Затем попытаться расширить её до такой степени, чтобы проникнуть взглядом дальше вглубь.

Увидеть из каких частиц она состоит и, раздвинув их, проникнуть в соседнюю комнату. С некоторых парт звучал смех. Кто-то крутил пальцем у виска и через пару занятий не приходил вовсе.

Стасу казалось, что все сотрудники, сидящие в аудитории, в своём стремлении к познанию кружатся вокруг одной единственной истины и никак не могут её схватить. В своём упорстве, они шли к ней, с каждым шагом, плотнее прижимаясь, друг к другу. Закрывая в своих рядах малейшие щели. Круг постепенно сужался. Все протягивали руки в центр уменьшающегося пространства, но цель непостижимым образом выскальзывала, задевая то одну, то другую ладонь.

И вдруг это случилось. Все вместе они ухватили её, словно устремившуюся в небо жар-птицу. Зажали прямо в центре, не давая ей пошевелиться. Это был прорыв. Больше из группы никто не ушёл. Стас понял это с ощущением тепла на своих ладонях.

Задание было простое. Кого-то сажали на стул. Просили вытянуть руки вперёд, ладони вертикально — словно что-то ощупываешь, растопырив пальцы. Завязывали глаза. На расстоянии десяти — двадцати сантиметров от ладоней садился мужчина, потом девушка, а затем кто-то третий. Все с промежутком в несколько минут. Необходимо было почувствовать излучаемое ими тепло и начать их различать.

Пришло подтверждение веры и маленький, подтачивающий червячок сомнений исчез окончательно.

Все оставшиеся в группе удачно сдали экзамены и получили дипломы. Странно было то, что никто не обменивался телефонами, адресами. Все находились в состоянии эйфории, словно приобрели колдовские знания и не хотели встречаться с теми, кто сидел рядом за партой и знал, как эти навыки приобретались. Всем хотелось выглядеть единственными.

Никого из них в дальнейшем Стас не встречал. Каждый уехал в свою вотчину как Гарри Поттер, чтобы нести добро.

Но их знания оказались никому не нужны. Статья о гипнозе в кодексы не вошла.

ГЛАВА 3. Катерина

Все считали, что Катерине около двадцати пяти. На самом деле она уже давно перешагнула тридцатилетний рубеж и не собиралась это обсуждать. В девичестве была худенькой, закомплексованой, с выпуклыми костяшками коленок, плеч и бёдер. Втянутой внутрь тела, кожей вокруг них. Больше того, её смущало то обстоятельство, что в какой-то заумной книжке она вычитала, будто бы именно по округлости этих женских местечек определяется предрасположенность к материнству, о которой мечтали все её подружки и она в том числе.

Пришедшая мода на брюки стала её очередным спасением. Выйдя замуж и родив дочку, она заметила, что кожа у неё стала постепенно расправляться и натягиваться. Фигура — округляться как забытая в воде, приготовленная к пиву вобла. Особенно резко это было заметно в первые годы замужества. Можно было предположить, что Катерина округляется, приобретая формы очаровательной, высокой статной женской фигуры, благодаря поступающей в её организм исцеляющей долгожданной спермы.

С небольшой, но крепкой грудью, округлившимися бёдрами, и длинными стройными ногами она стала походить на Венеру Милосскую, только с руками и огромной гривой чёрных как смола волос. С тех пор Катерина почти не изменилась. Казалось, что после расцвета её облил консервирующий дождь и теперь она не скоро сможет состариться. Думая об этом, приходила к

мысли, что прошедшая жизнь была слишком коротка, чтобы года успели исполосовать её лицо морщинами и наштиговать тело рульками.

Только школьное и институтское безмятежное время казалось, будет длиться вечно, но пролетело в одночасье. Сиденье с мальчиками на подоконниках. Ухаживания учителя физкультуры. Вечерние бдения бабушки у парадной, ждущей внучку с танцевальной площадки. Переполняемая романтизмом, впитанным от романов Александра Грина, она перешёптывалась со своими подружками, торопя время:

— Ну, когда же, когда?

Педагогический институт гордо хранил древние светские традиции, и все студентки на Новогоднем балу были в белом. Редкие молодые люди в сѳрых, чѳрных или коричневых костюмах с цветастыми галстуками, завязанными на крупный узел, поедающий ворот рубашки и подбирающийся к горлу, расставляли по краю зала многочисленные стулья. Девушки кружились между ними, словно маленькие вьюги, привезѳнные вместе с огромной зелѳной, пахнущей лесом, ѳлкой. Пленяли, окружая очередного входящего педагога, звонким хохотом. Разлетаясь снежинками в стороны от его комплиментов, словно от порыва ветра, поджидая новую жертву, чтобы взять её врасплох своей девственной белизной.

Неожиданно распахнулись входные двери и, под усиливающиеся звуки вальса, сине — чѳрная упругая масса, искрящаяся золотом эплет и голубыми гюйсами, приливной волной ворвалась внутрь, захватила центр зала. Растеклась,

оттеснила к стульям порхающую белизну, а потом смешалась с ней, и закружилась темно-белым.словно множество детских волчков, покрашенных в два цвета. Предупреждая о нелёгкой полосатой судьбе всех, связавших свою жизнь с морским офицерством.

Но кто же об этом тогда думал? Космонавты и подводники казались настоящими героями. Девушки верили, что страна будет заботиться о них. А они — будут любить, ждать, встречать, провожать и гордиться на зависть соседям и подругам.

Нашёптывание в миленькие девичьи ушки таинственных стихов Сергея Гребенникова, сводило их с ума:

*На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подлодка
Из глубины идёт домой...*

Девушки знали, что именно к этим ребятам, с начищенными до синевы ременными бляхами, прожекторами якорей, светящими с непроглядной черноты клёшей и хвастливо выглядывающими из-под фланок полосатыми треугольниками тельняшек, обращены данные слова.

И если солнце и звёзды на небе каждый мог увидеть, то глубины морей оставались неизведанными, как и загадочные души будущих покорителей морских просторов.

Кто же знал, что именно они станут первыми пасынками великой державы, брошенными в плену, кинутыми на дне океана, забытыми в

госпиталях. Они жили под водой и несли свою вахту, когда на поверхности уже делили их Родину, которую героини продолжали защищать от незримого врага.

Откуда им было знать, что тот уже пришёл в их дома через экраны телевизоров, рекламные баннеры и улыбки руководства страны.

А вернувшись, подводники обнаружили, что это совсем не та страна, которая провожала их в плаванье. Что пела им песни и посвящала стихи. Что звала их на подвиг, вспоминая героев — отцов, отдавших свои жизни за светлое будущее. А теперь презрительно смеётся над их нищетой и неспособностью урвать кусок пирога, чтобы прокормить свою семью. Ещё долгое время, в поглотившем Отчизну воровстве и безнравственности, они будут продолжать обеспечивать боеспособность своих кораблей, списанных по бумагам, а после — проданных как металлолом.

Казалось, что после дальнего боевого похода вдоль границ с враждебными странами, они вышли не на тот берег. И только надёжный добрый гироскоп будет продолжать настойчиво твердить героям, что вернул их домой.

ГЛАВА 4. В отделе

После службы опером, работа в наградном отделе управления кадров казалась курортом. Стас не понимал, каким образом в управлении сложилось так, что все работали по принципу: «ТЕБЕ НАДО, ТЫ И ДЕЛАЙ». Постепенно он стал замечать, что этот лозунг присущ не только их управлению, но и всему огромному чиновничьему аппарату.

Складывалось впечатление, что этот девиз пропитал насквозь всех служащих, администрацию, милицию и был принят гражданами как неизбежное. Хочешь пенсию получить — иди сам собирай справки. Вспоминай, где начиналась твоя трудовая деятельность. Езжай туда. Уговаривай кадры поднять архивы. Затем, где работал после. Не дай бог, если предприятие переехало или сгорело!

Хотя есть пенсионные отделы, которые могут официально запросить по месту бывшей работы всё, что требуется.

Надо обменять права — принеси в ГАИ справку об административных правонарушениях. Хотя эта справка находится в компьютере самой ГАИ! И сотруднику стоит только нажать пару клавиш на компьютере, и она будет готова. Но этого не происходит. Маломальский чиновник хочет почувствовать свою значимость. Показать какой он важный и какое у него ответственное государственное поручение. И чем больше перед ним лебезят, тем достойней он выглядит в собственных глазах.

Откуда это взялось в российском менталитете? Где доброта и сочувствие, о котором писали классики, изучаемые в школе? Или их никто не читал? Может учитель литературы не нравился?

Есть конкретные службы и должности, которые обязаны помочь людям разобраться в хитросплетениях и казуистики законодательства. Но они, в силу неизвестных причин, делают из себя принципиальных контролёров, этаких проверяющих. Приносят справку, а он говорит — не та. Ему приносят другую, а он говорит — не так оформлена, иди, переделывай! Хотя на самом деле это и есть его работа: запросить, что нужно и соответствующим образом оформить. А принципиальность чиновника моментально улетучивается, как только в деле запахнет подношением или даже взяткой!

Играя на этом незаконном, преступном бумагообороте, и очередях из бедствующих граждан, чиновники и бюрократы раздувают себе штаты, увеличивают зарплаты, получают премии.

Представили тебя к награде? Иди в наградной отдел бери бланки, заполняй, неси на проверку, потом ходи по инстанциям согласовывай. Езжай в районную администрацию. Затем в городскую. Пока ходишь, порядки совершенствуются, сотрудники меняются и оказывается, что нужны уже совсем не те подписи и не те документы.

Те, кто кровью и потом заслужил награду, не выдерживали этого бюрократического марафона. Им было стыдно — будто они выпрашивают себе подачку. И вынести этого не могли.

Зато те, кто получал поощрение по разнарядке, не жалели сил для беготни. Как правило, добивались успеха. И в праздник очередные награды висели у них на груди.

За некоторых особ по инстанциям бегал сам молодой начальник наградного отдела Ходюк Аркадий Петрович. И видимо не просто так. Он был младше Стаса года на три, но уже в перспективе видел себя начальником всего управления. Был сыном в прошлом большого милицейского босса по хозяйственной части, в отношении которого, как говорили, неоднократно возбуждали уголовные дела. Но потом благополучно прекращали.

Сын решил не совершать ошибок отца и идти в другом направлении, что не помешало ему купить джип последней модели и повесить на него милицейские номера.

Служба его только начиналась. Закончил милицейскую академию с отличием. В тот год приезжала Генеральная прокуратура из Москвы проводить проверку по начальнику академии. Кто-то сообщил, что он занимается коммерцией, и дом себе отгрохал у президентского дворца в Стрельне. Так что пришлось показывать результативность работы учебного заведения. Увеличивать количество отличников, тянуть за уши двоечников. Факты коррупции подтвердились. Наличие дома — тоже. Но у генерала нашлись друзья в Москве. Обошлось дисциплинарным взысканием.

Аркаша получил красный диплом и направление на работу в главк. Через год, возглавив отделение из нескольких женщин, он превратился в Аркадия Петровича и стал коситься на

должность своего руководителя Шапкина, который уже третий год исполнял обязанности начальника отдела и никак не мог получить благословление руководства управления на эту должность.

— Тупой ты Шапкин, — нашёптывал ему молодой Ходюк по случаю празднования очередного Дня милиции, когда оба уже были кривыми как турецкие сабли, — Дай денег-то наверх, не жадничай!

— Да откуда я тебе их возьму? — недоумевал Пётр Иванович, — С зарплаты что ли?

— Уже десять лет в наградном отделе замом, и всё денег нет? — язвил Ходюк, — Придется тебя научить. Вот стану твоим начальником, тогда узнаешь, как надо работать!

— Сначала стань, — неуверенно спорил Пётр Иванович, чувствуя, что так оно и будет вскоре. Но призывал на помощь Стаса, которого успел полюбить как сына.

— Стас, у тебя деньги лишние есть, чтобы наверх нести?

Стас молчал. Он не любил эти пьяные разговоры. Служа в отделении милиции, он частенько подрабатывал поиском угнанных автомашин. После работы ездил по закоулкам Невского проспекта, Васильевского острова и Петроградской стороны. Записывал номера автомашин, оставленных воришками на отстой в тупиках. Утром пробивал их по угонной базе. В месяц три четыре машины возвращал владельцам. Хозяева давали за беспокойство сто — сто пятьдесят долларов. Это было соизмеримо двум — трём зарплатам.

Конечно, Стас понимал, что нарушает приказ. О найденной автомашине следовало сообщить в территориальный отдел. Отдел установит район, откуда угнали. Затем найдут следователя, у которого находится дело. Следователь вынет дело из запаса. Возобновит производство. Вынесет отдельное поручение. Направит его в территориальный отдел, где обнаружен похищенный транспорт...

К тому времени машину либо разберут на запчасти, либо переставят в другое место. Это Стас знал из практики. Поэтому совесть его не очень мучила. В крайнем случае, могли повесить выговор. А купленная стиральная машина или холодильник молодой семье были необходимы. Денег хватало в обрез.

Станным образом всё потом поменяется. Раньше потерпевшие благодарили за то, что им вернули украденное, или огородили от преступных посягательств. Десять лет спустя редко кто из оперов задницу оторвёт от стула пока не получит денег вперёд за ещё не выполненную работу. Да и ту сделает, как попало, или вовсе не будет делать, а так, наплетёт потерпевшему с три короба о трудностях службы, об отсутствии техники, о нехватке кадров, и дальше будет сидеть бумажки писать.

По привычке, придя на новое место работы, Стас проявлял не дюжую инициативу. Бегал с документами сам, всё согласовывал. Звонил. Проверял. Но это не нравилось коллегам. Да и руководству тоже. Спустя несколько месяцев у него состоялся разговор с начальством:

— Каждый документ должен вылежаться, — поучал его Ходюк, который к тому времени стал

уже начальником отдела, — бывают случаи, что необходимо что-то потерять, или забыть согласовать. Ты же бывший оперативник — должен понимать! Ведь это тоже наша работа. Главное, чтобы всё было вовремя!

Слыша это, Шапкин Пётр Иванович кривил рот, но ничего не говорил.

Стас перестал лезть наперёд. Делал то, что ему говорили. Видел, что награды до земельных оперов сверху почти не долетают — виснут, цепляясь за большие звёзды. А на земле было не до наград — это Стас знал по себе. Изменить здесь он ничего не мог и не пытался, дабы не разгневать большое начальство.

ГЛАВА 5. Замужем

Катерине было всего девятнадцать, когда на горизонте появился он. В тёмно — синей фланке с золотым аксельбантом и блестящими якорьками на погонах.

Курсанты подводники приходили в институт на танцы. Важно ступая, в развалку, ходили вдоль колонн разукрашенных пёстрыми бумажными фонариками, выглядывая девушек покрасивее. Чудилось, что самая очаровательная скрывалась где-то в полутёмной глубине зала. Та, которая будет стройной берёзкой стоять на возвышенности, и махать белым платочком, а потом качать ребёнка в колыбели, напевая ему стихи о морских штормах и не сдающихся моряках.

И устремившись вперёд, растерянно останавливались, попав в окружение не тех, кого искали. Словно в этот момент, та единственная, о которой грезилось ночами, испарялась или обращалась в невзрачную дурнушку.

Но, не уронив чести будущего офицера, они принимали жёсткое решение, кружа в танце ту, отступление от которой, как им казалось, могло считаться бегством и бросить тень на морскую славу.

Катерине в очередной раз никто не приглянулся. Видя, как кто-то из курсантов направляется в её сторону, она меняла своё место, уходя в тень и оттуда подставляя вперёд подругу. Наблюдала как растерянный курсант, смущаясь своей нерасторопности, приглашал совсем не ту, к которой стремился.

Из прошлого опыта Катерина наизусть знала все их мальчишеские вопросы. Рассказы о себе, о карьере и любви к морю. О том, как их будущие жёны будут ждать возвращения экипажа на берегу и верить. Подводники — элита флота. Эти безусые мальчишки уже видели себя на подлодке и оказывали честь дамам потанцевать с будущими героями.

Катерина сама заметила Степана. Он стоял недалеко от входа, никого не приглашая. Словно страхуясь, чтобы в любой момент уйти. Молча, наблюдал, как его друзья дефилировали среди девушек.

Она решила, что он не будет доставать её и, воспользовавшись белым танцем, решила пригласить сама. Пошла к нему прямо через зал. Музыка уже звучала, и белые платья, словно срывааемые вальсом гребни волн, периодически заслоняли его. Но через несколько секунд отступали. И она снова видела его мужественное лицо с широким подбородком, большими голубыми глазами, светлой, едва обозначенной короткой чёлкой, непотопляемым бакенном, настырно вынырывающим из бурунов. Катерина не хотела торопиться. Она словно давала судьбе шанс одуматься. Надеясь, что его кто-то пригласит и тогда она спокойно пройдёт мимо, прямо на выход из зала. Поедет домой в очередной раз, не потеряв чувство собственного достоинства. Но расстояние сокращалось, и он продолжал оставаться на месте. Она вдруг заметила, что Степан тоже смотрит на неё. Не разглядывает. А прямо в глаза. Как будто увидел там что-то своё. То, что он однажды потерял и вот теперь,

спустя столько времени, нашёл. Степан продолжал смотреть на Катерину. Она остановилась прямо перед ним, чувствуя, как погружается в морскую синеву его глаз. Быть может их взгляды уже всё решили между собой, и Катерине оставалось только положить ему руки на плечи, а Степану — обхватить её талию.

Ведя её в танце, он не произнёс ни слова. Она обняла его за шею, почувствовав талией дрожь в его крепких ладонях. Положила ему голову на плечо, ощутив что-то знакомое и родное. Будто они танцевали так уже несколько лет. И ничего не надо было говорить, объяснять. Все слова казались никчемными и глупыми по сравнению с теплом, которое шло от его груди. От его дыхания. Она закрыла глаза и закружилась, отдавшись на волю мужским рукам.

Почувствовала, как перестало биться её сердечко. Медленно затихая в такт музыки, пока не растворилось совсем. А потом она услышала его в Степане. Словно оно перескочило к нему и теперь продолжало дарить ей жизнь, но откуда-то изнутри его груди. Испугавшись этой неожиданности, она открыла глаза. Увидела, что музыка закончилась, а они продолжают неторопливо вальсировать в центре зала, обнимая друг друга в тёмно-белом окружении, застывшем в восторженно — парадном молчаливом недоумении.

Свадьбы как таковой не было. Степан уходил на практику. Зарегистрировались в загсе. Так она стала Сотниковой.

А потом началась жизнь, состоящая из перелётов, переездов, автономок мужа — подводни-

ка и коротких, полных любви и нежности его отпусков. Так что, пытаясь суммировать проведённые вместе деньки, Катерина морщила лобик, но потом решала, что их было просто очень мало. И шла к зеркалу.

Выглядела она замечательно. Просто огромные, глубоко посаженные глаза с лихими высокими тонкими дугами бровей. Большой с пухлыми губками рот. Курносый мясистый носик с немного вызывающе приоткрывающимися ноздрями.

По отдельности, все части лица были изумительно очаровательны. Но вместе, они теряли свою индивидуальность. Нарушали гармонию. Создавали лик несовместимости, привносящей некую особенную яркость, бросающуюся в глаза.

Словно подмастерье решил опередить своего учителя и, тайно, построил все семь чудес света на одной площади, создав прекрасный хаос, перечёркивающий любой классический дизайн. Что вызвало тьму восторгов у приверженцев всего нового и недоумение консерваторов.

Точно так, среди серых спальных пятиэтажек, золотыми куполами, выделялось Катино лицо из толпы обывателей. Был ли это Невский проспект или подиум от Кутюр.

Вскоре родилась дочка. Степан нёс вахту у берегов Америки, находясь в очередной автономке, встретить жену из роддома не мог.

— Дочурка с папой, ну просто одно лицо! — умилялись медсёстры, передавая ребёнка другу их семьи, десантнику Полину Сергею, который, заплатив три рубля, в очередной раз отбыл в Афганистан.

Зато придя домой через пару месяцев, в том же роддоме Степан встречал жену Сергея с новорождённым мальчиком.

— Ах, какой сыночек, ну просто вылитый папашка! — хором скандировали медсёстры, получив от Степана, за своё усердие традиционные пять рублей.

От души смеялись все, кто встречал молодых мам.

— Вы случайно мужей не перепутали? — спрашивали их друзья.

Никто не пытался поправить добродушных медработников потому, что не было тогда в стране своих и чужих детей. Обо всех одинаково старалось заботиться государство, воспитывая новых Гагариных и Папаниных. Готовя защитников на смену уходящим героям.

По военно-морским базам Катя с мужем не ездила. Оставляя дочь друзьям, летала к Степану в гости. Чаще встречала сама.

Степан, возвращаясь из очередной кругосветки, читал ей любимые стихи Симонова, которые он очень любил:

— «Жди меня, и я вернусь...».

После чего напивался и в благодарность за своё возвращение садился у кресла, в котором возвышалась Катерина, и целовал ей руки. Обожал дочку, которая как две капли воды походила на свою мать. От такого количества красоты вокруг, Сотников считал себя самым счастливым человеком на свете.

Вскоре долг звал его на службу, и он с сожалением покидал этот уютный уголок. Катерина не знала, как послужится её мужу, чем он зани-

мается там, с кем общается. Для неё он просто был или не был. Чаще не был. Она научилась его ждать. Первые два месяца жила воспоминаниями, а после трёх — мечтами. Само трудное происходило в третий месяц разлуки. Когда в памяти, словно морозящим дождём, начинали размываться черты родного человека, в суете растворялся его голос. Одолевали сомнения: было ли это всё на самом деле или только приснилось? Где-то в таинственной глубине души продолжала пульсировать маленькая звездочка, обещающая новую встречу.

Но она искренне любила его и готова была ждать вечно. Дома он присутствовал два-три месяца в году. И встречая его в аэропорту, она будто вновь знакоилась с долгожданной мечтой, стоящей в дверях педагогического института. Только теперь это были двери аэропортов, вокзалов, морских ворот.

Каждый раз он возвращался всё более взрослым. Количество звёздочек, а потом просветов, на его погонах увеличивалось. Из стройного юноши он превращался в плотного тяжеловесного мужчину с твёрдой поступью и жёстким взглядом.

Но стоило ему увидеть своих женщин, он становился податливым плюшевым мишкой, мягким и безвольным. Для них он готов был делать всё. Надевая дома синие хлопковые рейтузы, с оттянутыми коленками и майку — алкоголичку, он растворялся в быту своих домочадцев. Мыл посуду, пылесосил квартиру, катал на себе, ползая на четвереньках вокруг круглого стола. Казалось, что для этого в море он заряжался

энергией морских шквалов и бурь. Привозя на берег неуёмную инициативу вызванную тоской по всему земному.

Вместе они ездили в парки, на аттракционы, катались на американских горках и лошадях.

Время пролетало очень быстро, и Катерина в очередной раз видела широкую спину своего мужа проходящего турникет. Всегда чёрную: в чёрном бушлате, чёрном кителе, чёрной шинели.

— Жди меня и я вернусь...

ГЛАВА 6. Новая жизнь

Стасу не терпелось применить полученные знания на практике. Этому поспособствовало случайное знакомство с Вероникой. Она работала в редакции одной из рекламных газет менеджером. Изредка ради любопытства, сама принимала объявление. В переданном ей бланке Стас написал о том, что недорого с помощью гипноза лечит от комплексов, стрессов, неврозов, проводит сеансы релаксации, в том числе эротических снов. Не глядя, протянул объявление в окошко. Стал убирать ручку в сумочку.

Дважды перечитав данный текст, Вероника уставилась на Стаса через небольшие диоптрии изящных очков.

— И вы это действительно можете? — недоверчиво спросила она.

— Конечно! — ответил Стас не задумываясь, и посмотрел на девушку.

Она была очаровательна. Внезапное недоумение освободило её из лап профессионального этикета и лицемерия. Искренность придала лицу трогательную непосредственность и нежность.

— А можно со мной? — тихо спросила она.

— Что с Вами? — Стас сделал вид, что не понял. Это его забавляло.

— Ну, гипноз! — уже громче произнесла она.

— Прямо здесь? — со всей серьёзностью произнёс Стас и сделал вид, что начинает пристально глядеть в глаза девушке. При этом приближая своё лицо к окошку, жёстко произнёс — Уже!

— Нет, нет, — испугалась Вероника, — мне ещё работать надо.

Стас не выдержал и рассмеялся.

Девушка, поняв, что оказалась в глупом положении, тоже рассмеялась.

— У Вас не указан контактный телефон, — сквозь смех произнесла она.

Стас перестал смеяться и задумался. Ему не хотелось оставлять сотовый номер недавно приобретённого телефона. Входящие звонки были платными, а с деньгами напряг.

Да и не солидно, — подумал он, — ведь клиенту необходимо поверить в реальность. Тогда он уже на тридцать процентов в гипнозе. Должен быть офис, а ещё лучше — секретарь.

Вероника увидела его задумчивость. Что-то внутри подсказывало ей, что она может оказаться причастной к этой удивительной тайне и в тот же миг выпалила первое, что пришло ей на ум, словно мысли Стаса перелетели к ней в подкорку:

— А давайте я буду Вашей секретаршей и буду принимать звонки, а потом передавать Вам!

Стас вздрогнул от неожиданности. Он подумал о сенсорных способностях девушки. Это был выход.

— Пожалуй, я соглашусь на Ваше замечательное предложение Вероника, — произнёс Стас с очень серьёзным видом, прочитав имя на бэджи-ке девушки — но могу ли я Вам доверять? Ведь мы ещё не знакомы.

— А мне кажется, Станислав Александрович, что Вы уже просветили меня своим взглядом насквозь, — ехидно заметила Вероника, прочитав его имя в объявлении.

Оба громко рассмеялись. Им показалось, что за эти несколько минут, они узнали друг о друге больше, чем за несколько лет знакомства. Словно когда-то в школе они сидели за одной партой и списывали друг у друга ответы на каверзные вопросы учителя.

— Оставь в объявлении свой контактный телефон и говори, что ты мой секретарь, — успокоившись, серьёзно продолжил Стас. Якобы, я целый день работаю в закрытом учреждении и могу выехать лечить в адрес только после семи часов вечера или по выходным.

— А ты работаешь в закрытом учреждении? — улыбнулась она.

— В очень закрытом, — ответил Стас и прикоснулся правой ладонью к виску, будто отдавая честь.

Вероника в ответ повторила движение Стаса, а затем приложила палец к губам. Что можно было понять как «рот на замке» и она никому ничего не расскажет.

— А можно мне с Вами, после семи, хоть глазком посмотреть? — жалобно попросилась Вероника, — я буду вашей ассистенткой!

Стас согласно улыбнулся.

По восторженно заискрившимся в ответ глазам Веры, он понял, что она согласна делать всё. И торжественно произнёс вслух:

— С сегодняшнего дня ты мой секретарь и ассистент. Будешь ездить со мной! Довольна?

— Ура! Негромко закричала Вера и, вытянув губы, показала через окошко, что целует Стаса.

Вероника оказалась двадцатитрёхлетней девушкой, прозябающей в неудачном браке с за-

пойным мужем на жилплощади ворчливой свекрови. И лишний раз не побыть дома было ей только в радость. Стасу она сразу понравилась, но не как женщина.

Опираясь на свой небольшой опыт психолога, и недолгое общение с Вероникой, он понял, что она истинная «Дева» соответствующая своему знаку зодиака. Умная, пунктуальная и немного дотошная. Никак не хотела жить чувствами, и всё время пыталась их объяснить с точки зрения логики.

Эта рациональность иногда просто убивала Стаса. Он представлял себе как во время занятий сексом, она будет обдумывать, и анализировать свои ощущения, при этом спрашивая о чём-нибудь его, сопоставляя и делая выводы вслух, как получить больше оргазмов. Казалось, мозги у неё не могли отключиться ни на миг.

Она любила носить короткие юбки, выставляя напоказ свои стройные ножки. При этом походка у неё действительно была как у плывущей павы. Когда она в купальнике шла по пляжу к воде, мужчины ахали и мысленно ложились ей под ноги, преграждая путь, складываясь штабелями.

Но стоило ей открыть рот и они чувствовали, что неожиданно попали на школьный урок самого ненавистного своего предмета, где их, как меловую тряпку, тёрли физиономией по доске.

Примерно через неделю после выхода объявления, Вера сообщила, что поступило первое предложение. И на субботу они наметили лечебный сеанс.

Квартира клиента находилась на втором этаже пятиэтажного дома. Дверь снаружи внизу

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Гера Фотич

Секс под гипнозом

Дизайн обложки
Корректор
Оригинал-макет
Редактор

Е. Ларионов
Л. Фасеева
П. Домбровский
И. Знаешев

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Piterbooks.ru

Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Skifiabook.ru

Подписано в печать 11.05.10
Формат 84x108/32. Объем 14,7 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2